ИЗБРАНІЕ И ВСТУПЛЕНІЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

Историческій очеркъ.

(*М. Д. Хмыровъ.*)

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 19 октября 1863 года

Въ типографіи **В. Спиридонова и К°.**

ИЗБРАНІЕ И ВСТУПЛЕНІЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

Историческій очеркъ.

... Тово у насъ и на уме нѣтъ чтобъ намъ взяти иноземца на московское государство...

Никон. Лѣтоп. VIII. 201.

Событіе избранія Михаилова, заканчиваетъ собою особый періодъ русской Исторіи, называемый обыкновенно періодомъ смутнаго времени. Въ настоящемъ очеркѣ упомянется прежде всего о дѣятельности предковъ Михаила Ѳедоровича, затѣмъ представится краткій обзоръ событій, очевидцемъ или участникомъ которыхъ былъ самъ Михаилъ Ѳедоровичъ до эпохи своего избранія, и, наконецъ, разскажутся самый ходъ и совершеніе этаго избранія.

Происхожденіе предковъ Михаила Ѳедоровича, по фамиліи Романовыхъ, трудно опредѣлить съ точностію. Бархатная книга полагаетъ родоначальникомъ этой фамиліи *Андрея Ивановича* который, выѣхавъ въ Русь изъ Пруссіи, служилъ бояриномъ при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ и въ 1347 г. сидѣлъ на воеводствѣ въ Твери. Одинъ

*

изъ пяти сыновей этого Андрея, *Өедоръ Андреевичъ* былъ и однимъ изъ довѣреннѣйшихъ вельможъ Дмитрія Донскаго, въ годину борьбы котораго съ Мамаемъ оставался блюсти Москву, въ качествѣ душеприказчика скрѣплялъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, обѣ духовныя грамоты Донскаго, а въ 1391 г. даже породнился съ Рюриковичами, выдавъ дочь свою Анну за княжича Өедора Михайловича, сына вел. кн. тверскаго Михаила Александровича. Внукъ Өедора Кошкина, бояринъ *Захарій Ивановичъ*, присутствуя, въ 1433 г., на свадьбѣ вел. кн. Василія Васильевича Темнаго, принималъ личное участіе въ извѣстной исторіи съ поясомъ, сорваннымъ тогда матерью великаго князя съ кн. Василія Косаго, (1) и, по свидѣтельству лѣтописца «имался за поясъ у князя Василья Юрьевича у Косова, а ркучи: тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою». (2) Сыновья этого Захарія продолжали вельможествовать при московскомъ дворѣ, и изъ нихъ *Яковъ*, отличный воинъ и дипломатъ, носилъ званіе большаго воеводы при завоеваніи Твери въ 1485 г., послѣ чего, въ 1488 г.,

---

(1) Картина, изображающая эту сцену, помѣщена у 314 страницѣ Сѣвернаго Сіянія на 1862 годъ.

(2) Исторія Государства Россійскаго, Н. Карамзина, изд Эйнерлинга (5-е), т. V., прим. 270.

былъ намѣстникомъ и смирителемъ Новагорода, а *Юрій*, воевода большаго полка въ знаменитомъ бою при Ведрошѣ, въ 1500 г., извѣстенъ также за ярого поборника мѣстничества. Дѣти Якова и Юрія Захарьевичей, оставивъ родовое прозвище Кошкиныхъ, стали именоваться и писаться по отцамъ: одни *Яковлевыми - Захарьиными*, а другіе *Юрьиными-Захарьиными* и дочь окольничаго Романа Юрьина-Захарьина, Анастасія, сдѣлалась, въ 1547 г., женою царя Ивана IV Васильевича Грознаго. Съ этого времени родичи царицы Анастасіи Романовны начали возвышаться больше прежняго, причемъ особенно извѣстнымъ изъ нихъ сдѣлался братъ царицы и дѣдъ Михаила Ѳедоровича, *Никита Романовичъ Юрьинъ-Захарьинъ*, мужъ совѣта опытный и дѣятельный, вождь искусный и великодушный, вельможа добродѣтельный, стяжавшій глубокое уваженіе Бориса Годунова, тогда еще царедворца, и любовь всего московскаго простонародья, которое увѣковѣчило имя дѣда Михаилова въ одной изъ пѣсенъ своихъ, обрисовывающей съ тѣмъ вмѣстѣ нравы эпохи, и начинающейся такъ:

«А чѣмъ боярина пожаловати
«А стараго Никиту Романовича?
«А погребъ тебѣ злата, серебра,
«Второе тебѣ питья разнаго;
«А сверхъ того грамата тарханная:
«Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,

«А кто у жива мужа жену уведеть
«И уйдеть въ село во боярское
«Къ старому Никитѣ Романовичу—
«И тамъ быть имъ не въ выдачѣ. ([3])

Изъ семерыхъ сыновей Никиты Романовича—умершаго въ 1585 г., по мнѣнію Флетчера, отъ отравы—сдѣлался болѣе прочихъ знаменитымъ старшій, *Өедоръ Никитичъ,* любимецъ царя Өедора Ивановича, дворовый—или ближній—воевода въ царскомъ походѣ 1590 г. къ Пскову и одинъ изъ трехъ, которому, вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ и бояриномъ - слугою Борисомъ Годуновымъ, шуриномъ царскимъ, умирающій Өедоръ Ивановичъ *приказывалъ душу свою.* Есть даже преданіе, что когда къ смертному одру бездѣтнаго Өедора пришли бояре съ вопросомъ: кому остаются корона и скипетръ? то царь «отдаде самъ изъ рукъ своихъ державу Өедору Никитичу Романову, племяннику родному матери своея благовѣрныя царицы и великія княгини Настасіи Романовны; но онъ, не хотя ея прияти, сказалъ брату своему Александру, чтобъ тотъ принялъ, а Александръ сказалъ третьему брату Іоанну, чтобъ тотъ ее принялъ, а Іоаннъ указалъ на четвертаго брата своего Михаила, чтобъ тотъ принялъ; того ради уже кончающійся царь Өеодоръ

([3]) Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изд Калайдовича, 1818 г. с. 435—436.

Іоанновичъ опустилъ державу свою на землю и рекъ: пускай кто хощетъ, тотъ ея и возметъ. Тогда Борисъ Годуновъ, по прошенію всѣхъ бояръ, взялъ державу лежащую отъ земли» (4). При всей баснословности этого преданія, оно, тѣмъ не менѣе, служитъ отголоскомъ тогдашняго общественнаго мнѣнія, которое, уже въ то время, очевидно не выдѣляло Романовыхъ изъ среды царскаго семейства, и, слѣдовательно, не могло относиться къ нимъ заурядъ съ прочими боярскими фамиліями. Но такое значеніе потомковъ Андрея Кобылы, конечно, не могло нравиться Борису Годунову, избранному, по смерти Ѳедора, въ цари, и старавшемуся устранить заблаговременно какъ дѣйствительныя, такъ и воображаемыя помѣхи къ упроченію на русскомъ престолѣ собственной своей династіи. Поэтому, воспользовавшись извѣтомъ казначея Романовыхъ, Бажнова, что въ кладовой Александра Никитича Романова хранятся мѣшки съ волшебными зельями на пагубу Годуновыхъ—мѣшки, дѣйствительно найденные при обыскѣ кладовой, но, какъ думаютъ, подложенные Семеномъ Годуновымъ,—царь Борисъ велѣлъ немедленно схватить, доставить въ Москву и судить всѣхъ безъ исключенія Романовыхъ съ ихъ ближ-

---

4) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до полтавской баталіи. Изд. 1799, Ч. III, с. 115.

ними и дальними родичами, причемъ, по свидѣтельству лѣтописца, «Ѳедора Никитича съ братьею и съ племянникомъ, со княземъ Иван. Бор. Черкасскимъ, приводиша не одиново къ пыткѣ» (5). Судъ кончился въ Іюнѣ 1601 г. тѣмъ, что Боярская Дума, изъ угожденія царю, произнесла надъ Романовымъ слѣдующій приговоръ: Ѳедора Никитича постричь въ монахи и, подъ именемъ *Филарета*, предать тѣсному келейному заключенію въ Антоніевѣ-Сійскомъ монастырѣ, нынѣшней Архангельской губерніи; жену Ѳедора, Ксенію Ивановну, изъ рода Шестовыхъ, постричь же и, наименовавъ *Мареою*, отправить въ Толвуйскій погостъ, за Онегу; дѣтей ихъ: дочь, дѣвицу Татьяну, и сына, 5-ти лѣтняго *Михаила*, удалить съ сестрою Ѳедора Никитича, княгинею Черкасскою, и мужемъ ея на Бѣло-Озеро; братьевъ Ѳедора Никитича—разослать въ отдаленные города, для содержанія тамъ въ оковахъ; прочихъ родичей Ѳедора Никитича — подвергнуть заключенію въ тюрьмахъ или монастыряхъ. Приговоръ этотъ исполнился во всей точности, и 5-ти лѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ долженъ былъ испытать разомъ два горя: разлуку съ родителями и лишенія матеріальныя. Первое изъ этихъ испытаній, быть

(5) Русская Лѣтопись по Никонову списку, изд. 1767—1792. Ч VIII, с. 41 и д

можетъ, еще не ложилось особенно тяжело на душу 5-ти-лѣтняго ребенка, или, по крайней мѣрѣ, скоро могло заглаживаться въ ней другими обыденными впечатлѣніями, и ни въ какомъ случаѣ не походило, напримѣръ, на мучительныя ощущенія души отца Михаилова, инока Филарета, который, томясь невольною разлукою съ семействомъ, взывалъ въ кельѣ своей такъ: «Милыя мои дѣтки, маленкія бѣдныя осталися; кому ихъ поить и кормить? Таково ли имъ будетъ нынѣ, каково при мнѣ было?... Мнѣ ужъ что̀ надобно? Лихо на меня жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, ино что рогатиной въ сердце толкнетъ» и проч. (6). Но лишенія матеріальныя, непосредственно замѣнившія собою недавнюю роскошь, долженствовали тѣмъ ощутительнѣе поражать ребенка, что чувствовались ежедневно и были дѣйствительно лишеніями. Послѣднее видно. какъ изъ царскаго выговора приставу Романовыхъ на Бѣло-Озерѣ, Дав. Жеребцову, за то что узникамъ своимъ «яицъ съ молокомъ давалъ *не отъ велика*», такъ и еще болѣе изъ слѣдующаго любопытнаго донесенія того же Жеребцова царю: «Князь Борисова, Государь, княиня Черкаскаго съ товарыщи мнѣ, холопу твоему, сказала, что у нее,

(6) Акты историческіе, собр. и изд. Археографическою Коммиссіею, т. II, с. 51

у князь Борисовы княини, и у всѣхъ у тѣхъ, которыя съ нею живутъ, сапоги и тѣлогрѣи поизносилися. И я, холопъ твой, по твоему Государеву жалованью и по указной грамотѣ, имъ сапоги и тѣлогрѣи холодныя подѣлалъ и о томъ писалъ къ тебѣ, Государю.... Да била челомъ тебѣ, Государю... князь Борисова княиня Черкаского съ товарыщи, а сказали, что у нихъ у всѣхъ рубашки поизносились; чтобъ ты, Государь.... пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ дати холстовъ на рубашки; и я, холопъ твой, по твоему Государеву.... жалованью и по указнымъ грамотамъ, князь Борисовѣ княинѣ Черкаского съ дочерью, да Ѳедоровѣ сестрѣ Романова дѣвкѣ Настасьѣ, да Александровѣ женѣ Романова Ульянѣ, да Ѳедоровымъ дѣтемъ сыну да дочерѣ, сентября въ пятый день далъ новинъ, девяносто шесть аршинъ. И князь Борисова княиня Черкаскаго съ товарыщи, того жъ числа била челомъ тебѣ Государю.... чтобъ ты, Государь.... пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ дати, къ своему Государеву жалованью, къ прежнимъ новинамъ, къ девяносту ко шти аршиномъ, въ прибавку еще восмьдесятъ пять аршинъ: «и намъ бы де было, Царскою милостію, по три рубашки всѣмъ шестерымъ». И я, холопъ твой, по твоему Государеву жалованью и по указнымъ грамотамъ, далъ имъ новинъ и тое восмьдесятъ пять аршинъ; а не дать я, холопъ твой, князь Бо-

рисовѣ княинѣ Черкаского со товарыщи новинъ не смѣлъ» (7). Такое положеніе дѣтей Романова едва ли улучшилось и въ с. Клинѣ, отписномъ юрьевопольскомъ помѣстьѣ Ѳедора Никитича, куда царь пожаловалъ велѣлъ перевезти ихъ въ 1603, вмѣстѣ съ теткою, причемъ, для помѣщенія невинныхъ узниковъ, указалъ отвести помѣщичій домъ, а если нѣтъ его—очистить «крестьянскихъ двора два, три, гдѣ имъ жити лутчи» (8). Тутъ, въ с. Клинѣ, Михаилъ Ѳедоровичъ содержался два остальные года царствованія Бориса, который не ранѣе какъ въ 1605 г., т.-е. всего мѣсяца за три до смерти своей, разрѣшилъ матери Михаиловой переселиться изъ Толвуйскаго погоста къ дѣтямъ ея; отца же Михаилова, инока въ полномъ смыслѣ невольнаго, велѣлъ посвятить въ іеромонахи и архимандриты, хотя приставъ Филарета Богд. Воейковъ, почти въ то самое время, со словъ сійской братіи, доносилъ царю, что «живетъ-де старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегды смѣется невѣдомо чему, и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчіе и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцомъ жестокъ» (9). Съ воцареніемъ перваго самозван-

(7) Тамъ же, с. 49.

(8) Тамъ же, с. 48.

(9) Тамъ же, с. 64—65.

ца, выдававшаго себя за сына царя Ивана IV и, слѣдовательно, считавшагося родствомъ съ Романовыми, архимандритъ Филаретъ Никитичъ былъ возведенъ въ санъ митрополита ростовскаго, семейство его получило совершенную свободу, а всѣ родичи возвратились изъ ссылокъ въ Москву, куда, уже незадолго до гибели самозванца, привезли и тѣла троихъ братьевъ Филаретовыхъ: Василія, Александра и Михаила, непереживших своего несчастія. Тѣла эти тогда же были погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ, родовой усыпальницѣ всѣхъ предковъ Михаила Өедоровича (10). Гдѣ именно пребывало семейство Филаретово въ бурное правленіе царя Василія Шуйскаго,—точныхъ указаній на это нѣтъ и нельзя принимать за такое указаніе надпись, находящуюся на столбѣ, воздвигнутомъ среди двора Ипатьевскаго монастыря, и гласящую, что *«съ 1606 г. Михаилъ Өедоровичъ Романовъ здѣсь пребывалъ съ своею матерью»*—свидѣтельство сомнительное, особенно если принять въ соображеніе очевидную неточность многихъ другихъ надписей, помѣщенныхъ на томъ же самомъ столбѣ (11). Съ гораздо большею достовѣрностью можно пред-

(11) Историческое Описаніе Костромскаго Ипатскаго монастыря. Протоіер. М Діева. 1858, с 79 пр. 12

(10) Новоспасскій монастырь, И. Снегирева. 1843 с. 126—134.

полагать, что, послѣ гибели перваго Лжедмитрія семейство Филаретово находилось съ главою своимъ въ Ростовѣ, откуда—послѣ того, какъ второй Лжедмитрій по-просту называемый *тушинскимъ воромъ*, схвативъ здѣсь митрополита Филарета, связаннымъ привезъ его въ Тушино, гдѣ держалъ при себѣ въ качествѣ нареченнаго патріарха всея Россіи—Михаилъ съ матерью и сестрою могли укрываться или въ Москву, гдѣ, какъ думаютъ, жили они въ извѣстномъ *домѣ Романовыхъ*, на Варваркѣ или въ костромскомъ помѣстьѣ Домнино, унаслѣдованное матерью Михаила отъ ея отца и дѣда; или наконецъ, въ самой Костромѣ, гдѣ у старицы-инокини Марѳы Ивановны былъ собственный домъ, о которомъ въ писцовыхъ книгахъ Костромы; напр. 1628 г., сохранились такія свѣдѣнія: «въ старомъ городѣ (кремлѣ).... переулокъ на большую улицу къ Водянымъ воротамъ—дворъ *осадной* Великіе Государыни инокини Марѳы Ивановны, двора въ длину 7 саж. безъ четверти, поперегъ полсемы (6½) саж. опричъ спорные земли; а спорные земли Здвиженскимъ монастыремъ вдлину полдевяты (8½) саж. поперегъ 5 саж. съ четвертью; дворникъ Гришка портной мастеръ» (12). Слѣдовательно, семейство Филарето-

(12) Историческое описаніе Костромскаго Успенскаго каѳедральнаго собора. Свящ. П. Островскаго 1855. с 31

во могло быть и не быть въ Москвѣ 17 Іюля 1610 г., въ тотъ день, когда «бояря и всякіе люди приговорили бити челомъ Государю Царю и Вел. Князю Василью Ивановичу всея Русіи, чтобъ онъ Государь царство *отставилъ* (т. е. оставилъ), для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ Государь несчасливъ, а городы Украинные, которые отступили къ вору, ево Государя на царство не хотятъ же» (13). Семейство Филаретово могло не находиться въ Москѣ и на ту пору, когда вслѣдъ за низложеніемъ и постриженіемъ Шуйскаго, кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій, первенствующій членъ боярской думы и дальній сродникъ Рюриковичей, человѣкъ нечестолюбивый, смирный, даже вялый, торжественно заявилъ, что самъ онъ царемъ быть не желаетъ и не желаетъ видѣть на престолѣ собрата своего, боярина, а находитъ необходимымъ избрать въ цари кого нибудь изъ царскаго племени, чѣмъ очевидно намекалось на королевича Владиславa и, въ то же время, заграждался путь къ престолу кн. Вас. Вас. Голицыну, на котораго, какъ на родовитѣйшаго и дѣйствительно умнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ бояръ, уже указывалъ думѣ патріархъ Гермогенъ—«словесенъ мужъ, говоритъ хронографъ, и хитрорѣчивъ, но не сладко-

(13) Ист. Гос. Росс., Н. Карамзина, т. XII, прим. 559.

гласенъ, отъ божественныхъ же словесѣхъ присно упражняшесь... А нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ, ко злымъ же и благимъ не быстрораспространителенъ, но ко льстивымъ паче и лукавымъ прилежа и слухолествователенъ бысть и отъ добраго нрава злыми совратенъ» (14). Но когда тотъ же Гермогенъ, видя нерасположеніе бояръ къ указанію его на кн. Голицына, сдѣлалъ думѣ и второе указаніе—на сына Филаретова, Михаила Θеодоровича, происхожденіемъ русскаго, вѣрою православнаго, саномъ не боярина, кровію родственнаго благодушной царицѣ Анастасіи,—семейство Филаретово, гдѣ бы ни находилось оно, по всей вѣроятности, не замедлило прибыть въ Москву. Если же дума, стѣсняемая отъ Можайска польскими войсками Жолкевскаго, также, какъ изъ Коломенскаго сбродомъ тушинскаго вора, видѣла себя въ необходимости выбирать только между королевичемъ Владиславомъ и Лжедмитріемъ вторымъ, а потому и на этотъ разъ оставила ни при чемъ указаніе Гермогеново,—послѣднее уже обусловило собою дальнѣйшее пребываніе семейства Филаретова именно въ Москвѣ, хотя бы въ виду и того обстоятельства, что уже

---

(14) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Изд. 1834, ч. V, с. 199—200.

«всякіе люди московскаго государства били челомъ бояромъ, кн. Мстиславскому съ товарыщи, чтобъ пожаловали приняли московское государство, докуды дастъ Богъ государя» (15). Дѣйствительно: сначала, въ самый разгаръ вопроса о царензбраніи, не присутствовать въ Москвѣ или оставлять ее было бы несовмѣстно съ собственными выгодами всѣхъ претендентовъ и кандидатовъ на русскій престолъ, чего, быть можетъ, и не соображалъ, по отроческой наивности своей, самъ Михаилъ Ѳедоровичъ, за котораго однако могли соображать — и, конечно, дѣлали это — другіе, болѣе чѣмъ онъ опытные въ политическихъ передрягахъ всякаго рода, Потомъ, когда, послѣ челобитья Мстиславскому всѣхъ людей, выборъ думы—а за нею Москвы и половины Россіи—остановился на королевичѣ Владиславѣ и былъ скрѣпленъ присягою послѣднему, новый хозяинъ Москвы, гетманъ Жолкевскій, тѣмъ вѣроятнѣе не имѣлъ никакого резона выпускать изъ-подъ собственнаго наблюденія въ Москвѣ бывшаго совмѣстника Владиславова, Михаила Ѳедоровича, а наблюденіе за другимъ совмѣстникомъ того же Владислава, кн. Вас. Вас. Голицынымъ, смѣтливый гетманъ, такъ сказать, предоставлялъ самому королю Сигизмунду, въ челѣ посольства, къ

(15) Акты Истор. т. II, с. 349.

которому тогда же отправленнаго думою, стали, по интригамъ гетмана, и кн. Вас. Вас. Голицынъ, и отецъ Михаиловъ митрополитъ Филаретъ—послѣдній именно потому, что самъ Михаилъ Өедоровичъ, неимѣвшій еще никакого служебнаго значенія, не могъ быть причисленъ къ посольству, т. е. благовидно удаленъ изъ Москвы. Со времени же сдачи московскаго хозяйства гетманомъ Жолкевскимъ пану Гонсѣвскому, другими словами, съ исхода октября 1610 г., присутствіе семейства Филарета въ Москвѣ дѣлается несомнѣннымъ, на что—не считая Берха, по мнѣнію котораго Михаилъ съ матерью *тогда только* были привезены въ Москву и поручены надзору Гонсѣвскаго (16)—указываетъ и слѣдующее обращеніе къ царю митрополита Ефрема, въ рѣчи, произнесенной послѣднимъ въ самый день коронованія Михаилова: «А васъ великаго государя съ матерью вашею великою старицею, государыней нашею Мароою Ивановною, и бояръ вашихъ, и окольничихъ, дворянъ и всякихъ чиновъ всякихъ людей захватили (поляки) въ городѣ, и въ Китаѣ, и въ Кремлѣ, и держали въ неволѣ, а иныхъ за крѣпкими приставы (17)». Неволя эта, и именно по

(16) Царствованіе царя Михаила Өедоровича и взглядъ на междуцарствіе, В. Берха. 1832. ч. I, с. 86.

(17) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ Изд 1813—1827. т. III, с. 76

отношенію ся къ семейству Филаретову, вовсе не была однимъ только краснымъ словомъ въ рѣчи митрополита Ефрема, потому что хозяйничавшіе въ Москвѣ поляки, дѣйствительно, не могли оставить на свободѣ отрока, отецъ котораго, по убѣжденію всѣхъ поляковъ, положилъ на словѣ съ патріархомъ, чтобы на престолѣ быть сыну его, а не польскому королевичу (18), — убѣжденіе, отчасти оправдываемое и тѣмъ, что еще до вступленія поляковъ въ Москву, уже видимо склонявшуюся къ сторонѣ Владислава, когда Гермогенъ всенародно *плакался* передъ москвичами, доказывая имъ—даже примѣрами изъ исторіи — необходимость выбрать царя православнаго, а не иновѣрца — митрополитъ Филаретъ Никитичъ тоже выѣзжалъ къ Лобному мѣсту и тоже увѣщевалъ москвичей не сдаваться на льстивыя обѣщанія Сигизмунда. (19)

Какъ бы то ни было, Михаилу Феодоровичу доводилось оставаться самовидцемъ такъ выразительно названной современниками *московской разрухи* — бѣдствія, вмѣстѣ съ поляками накликаннаго на Москву единственно малодушіемъ и себялюбіемъ московской боярской думы. Боясь успѣха втораго Лжедмит-

(18) Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, собр и изд Археографическою коммисіею. т. IV, с. 483.

(19) «Патріархъ Гермогенъ», П. Мансвѣтова. См. Духовной Бесѣды 1861 г. № 30, с. 269

рія—успѣха сомнительнаго, если принять въ соображеніе, какъ уже надоѣли тогда Москвѣ самозванцы—и въ увѣренности, что даже кратковременное господство тушинскаго вора ознаменуется, со стороны тушинцевъ, избіеніемъ именно московскихъ бояръ, большею частію прирожденныхъ господъ тушинской сволочи, московскіе бояре предпочитали «лучше служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ холопей своихъ и въ вѣчной работѣ у ихъ мучиться», а потому всячески стали хлопотать о впускѣ Жолкевскаго въ Москву, и не безъ труда согласили на это патріарха, которому бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, дядя Михаиловъ, даже, говорятъ, сказалъ тогда, что «если гетманъ отойдетъ отъ Москвы, имъ, боярамъ, для спасенія головъ своихъ, придется идти за гетманомъ» (20). Но не одни московскіе бояре подготовили московскую разруху: имъ, въ этомъ случаѣ, дѣятельно помогалъ польскій король Сигизмундъ, отъ котораго кн. Мстиславскій уже получилъ санъ конюшаго, а кн. Юрій Трубецкой боярство, и которому бояр. Ѳед. Шереметевъ даже имѣлъ низость бить челомъ о своихъ *вотчинныхъ деревнишкахъ* (21). Не довольствуясь

---

(20) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева. 1858. т. VIII, с. 332, 346.

(21) Акты Истор., т. II., № 298.

*

присягою москвичей королевичу Владиславу. Сигизмундъ хотѣлъ такой же присяги себѣ, а потому вопреки крестному цѣлованію, учиненному за него въ Москвѣ Жолкевскимъ, не высылалъ сына своего въ Москву, не снималъ осады Смоленска, который продолжалъ громиться поляками подъ тѣмъ предлогомъ, что «прямитъ вору»; наконецъ, когда «вора» уже не стало (22), — Сигизмундъ вѣроломно схватилъ и отправилъ въ Литву пріѣхавшее за Владиславомъ русское посольство, причемъ «Паны Рада, говоритъ хронографъ, пословъ отъ себя отпустили, сердитуя на нихъ, а какъ послы пошли изъ хоромъ, и Паны Рада пословъ лаяли, а говорили: не послы, то воры» (23); въ заключеніе же всего, лучшее имущество пословъ разграбили и часть посольскихъ слугъ перебили.

Сидя съ матерью въ неволѣ, Михаилъ Ѳедоровичъ, при всей отроческой наивности своей, едва ли могъ не смыслить самъ или, по крайней мѣрѣ, не слышать отъ другихъ, въ чемъ именно заключались причины этой неволи, и едва ли не проникался безпрерывными жалобами окружающихъ на то, что

(22) Тушинскій воръ убитъ 11 Дек. 1610 г., въ Калугѣ, на охотѣ, татариномъ Уракомъ-мурзою Урусовымъ (въ крещеніи кн. Петръ Араслановичъ).

(23) Дѣянія Петра Великаго, соч. Н. Голикова. Изд. 1840 г. т. XII, с. 385.

хотя правитель Москвы, панъ Гонсѣвскій, и ходитъ на совѣтъ въ боярскую думу, но не одинъ, а всегда съ Мих. Салтыковымъ, кн. Вас. Мосальскимъ, Ѳедькою Андроновымъ, Ив. Грамотинымъ и другими ру скими клевретами польскаго короля, которыхъ только и слушаетъ, тогда какъ изъ нихъ даже неодинмъ окружающимъ Михаила Ѳедоровича былъ бѣльмомъ на глазу Ѳедька Андроновъ, когда-то торговецъ лаптями, потомъ тушинецъ, а теперь думный дворянинъ и приставникъ Сигизмундовъ къ сокровищницѣ московскихъ царей, человѣкъ, который, по свидѣтельству лѣтописца, «наипаче московскимъ людямъ пакость дѣяше» (24). Слышалъ также Михаилъ Ѳедоровичъ и о томъ, что около патріарха уже начинаютъ собираться московскіе и всякіе люди, раскаявающіеся въ присягѣ Владиславу, и что патріархъ, съумѣвшій внушить этимъ людямъ опасеніе за цѣлость православія, то и дѣло пишетъ въ города окружныя граматы, внимая которымъ уже воспрянулъ въ Рязани Ляпуновъ, заволновался Ярославль, потянули къ Москвѣ и Великій и Нижній Новгороды, поднялись пермичи, встала русская земля — и, *по мысли Ляпунова да благословенью святѣйшаго Ермогена* (25), уже

(24) Никон. лѣтоп., ч. VIII, с. 147.

(25) Ист Гос Росс Н Карамзина, т. XII, с 164.

идутъ всѣми дорогами къ Москвѣ: изъ городовъ рязанскихъ и сѣверскихъ—самъ Прокопій Ляпуновъ; изъ земли муромской—кн. Литвиновъ-Мосальскій; изъ края низовскаго—кн. Рѣпнинъ; изъ Суздаля—Артемій Измайловъ; изъ Вологды и Поморья—Пащокинъ, да оттуда же съ служилыми татарами князья Пронскій и Козловскій; изъ Галича — Мансуровъ; изъ Ярославля и Костромы — кн. Волконскій; идутъ даже недавніе сторонники тушинскаго вора: изъ Калуги — Заруцкій, а изъ Тулы — кн. Трубецкой; идетъ и Просовецкій съ казаками и черкесами. То было, дѣйствительно, *первое ополченіе русской земли*, къ несчастію послѣдней имѣвшее на челѣ своемъ и такихъ людей, какъ Ляпуновъ—натура пылкая, благородная, талантливая, но не свободная отъ увлеченія личностями; и такихъ, какъ кн. Трубецкой, получившій боярство въ Тушинѣ; какъ Заруцкій, явный любовникъ Марины; какъ Просовецкій, буйный атаманъ буйныхъ казаковъ. Но въ Москвѣ никто еще не предвидѣлъ этого несчастія, а напротивъ, всѣ несомнѣнно вѣровали въ успѣхъ предпріятія Ляпунова — и Михаилъ Ѳеодоровичъ не замедлилъ прослышать, что поляки, встревоженные движеніемъ ополчившихся, приказали московскимъ боярамъ вытребовать у патріарха запрещеніе Прокофію Ляпунову идти къ Москвѣ, и что патріархъ далъ на это такой отвѣтъ: «къ Про-

кофью напишу: если Королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру»—отвѣтъ, до того озлобившій Мих. Салтыкова, ретивѣйшаго изъ русскихъ сторонниковъ Владислава, что Салтыковъ, внѣ себя, бросился на патріарха съ ножемъ, но Гермогенъ, спокойно перекрестивъ голову измѣнника, тутъ же громко сказалъ ему: «не страшуся азъ ножа твоего, но силою креста Христова вооружаюся; будижъ ты отъ нашего смиренія проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ» (26). Свѣдавъ затѣмъ, что Гермогенъ уже находится подъ стражею, Михаилъ Ѳедоровичъ, конечно, былъ очевидцемъ того, какъ, въ ближайшее вербное воскресенье, взятый изъ-за приставовъ узникъ-патріархъ совершалъ обрядъ вайй, т. е. шествовалъ верхомъ по обычаю, но безъ обычной торжественности, потому что москвичи не толпились, какъ бывало, въ улицахъ, гдѣ надлежало слѣдовать шествію, а запуганные поляками, прятались по домамъ, и не царь, а кн. Гундоровъ велъ за узду коня патріаршаго, между тѣмъ, какъ

---

(26) Новый Лѣтописецъ, по списку кн. Оболенскаго. Изд. 1853. с. 129.

самъ патріархъ, ѣхавшій между рядами польскихъ ротъ и эскадроновъ, не имѣлъ кого торжественно благословлять на обѣ стороны. Унылое шествіе это происходило 17 марта 1611 г., а два дня спустя, 19 марта, Михаилъ Ѳедоровичъ услышалъ набатъ съ пушечною пальбою въ самой Москвѣ, потомъ увидѣлъ страшное зарево надъ пылавшимъ Бѣлымъ-городомъ,—и узналъ, что поляки съ наемниками своими нѣмцами, принявъ неважный шумъ на рынкѣ за начало ожидаемаго ими народнаго возстанія, выбѣжали изъ кремля, бросились рѣзать русскихъ по всему Китай-городу, отсюда ворвались въ Бѣлый-городъ, гдѣ на многихъ улицахъ уже нашли грозныя баррикады, и остановленные въ Тверскихъ воротахъ стрѣльцами, у Яузскихъ—Колтовскимъ, а въ Замоскворѣчьѣ—Бутурлинымъ, начальными людьми передовыхъ дружинъ Ляпунова, встрѣтили на Срѣтенкѣ мужественный отпоръ случайно находившагося въ Москвѣ кн. Пожарскаго, который, наскоро собравъ около себя пушкарей да кое-какихъ охочихъ людей, принялъ враговъ ядрами и втопталъ ихъ обратно въ Китай-городъ, гдѣ поляки немедленно были осаждены всѣмъ населеніемъ Бѣлаго-города, вслѣдствіе чего рѣшились, по совѣту Мих. Салтыкова, *выкуривать* осаждавшихъ огнемъ, т. е. поджечь Бѣлый-городъ, причемъ Салтыковъ первый запалилъ свой собственный домъ. Пожаръ Бѣлаго-города длил-

ся весь остальной день и всю наступившую ночь, а на утро занялось Москворѣчье и поляки снова ударили на кн. Пожарскаго, который, обострожась у Введенья на Лубянкѣ, долго выдерживалъ натискъ, долго, въ дыму и огнѣ, бился съ врагами, наконецъ, изнемогъ отъ ранъ, палъ на землю, и, полумертвый, прямо съ побоища былъ отвезенъ воинами въ Троице-Сергіевъ монастырь.

Такъ началась московская разруха. Среди ужаса и разрушенія, уже низложивъ Гермогена, замѣненнаго на патріаршемъ престолѣ лже-патріархомъ Игнатіемъ, малодушные московскіе бояре, въ глазахъ Михаила Ѳедоровича, праздновали съ поляками наступившее тогда свѣтлое воскресенье, на другой день котораго, 25 марта, сто тысячное ополченіе Ляпунова завидѣло обгорѣлые верхи московскихъ колоколенъ и стало гуляй-городами на всемъ пространствѣ около Симонова Монастыря, а 1 апрѣля подошло къ пепелищу Бѣлаго-города, гдѣ заняло всѣ мѣста бывшихъ воротъ и приняло благословеніе Троице-Сергіева монастыря—святую воду, привезенную келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ. Съ 6 апрѣля начались ежедневные приступы и битвы, въ которыхъ Ляпуновъ стяжалъ имя *львообразнаго стратига*, а поляки обрѣли нужды и лишенія, вынуждавшія Гонсѣвскаго и Струся откровенно писать къ начальнику смоленскаго осаднаго войска, Потоцко-

му: «рыцарству на Москвѣ тѣснота великая, сидятъ въ Китаѣ и кремлѣ въ осадѣ, ворота всѣ поотняты, пить ѣсть нечего» (27). Само собою разумѣется, что такую же тѣсноту по неволѣ претерпѣвалъ и осажденный съ поляками Михаилъ Ѳедоровичъ, страданія котораго увеличились еще скорбію о плѣнѣ отца его, какъ разъ тогда же сдѣлавшемся извѣстнымъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, осаждавшіе, продолжая свое дѣло, въ ночь на 22 мая аттаковали стѣну Бѣлаго-города и овладѣли тутъ всѣми башнями, а 23 мая принудили къ сдачѣ Новодѣвичій монастырь, защищаемый двумя ротами поляковъ и пятью стами нѣмцевъ, но вскорѣ затѣмъ получили новую, нерадостную вѣсть. Нерадостная вѣсть эта заключалась въ томъ, что Смоленскъ, цѣлые двадцать мѣсяцевъ достославно обороняемый Шеинымъ, 3 іюня 1611 г. палъ, наконецъ, да и то жертвою измѣны, къ ногамъ Сигизмунда, послѣ чего *доблій* Шеинъ, пытанный и отягченный оковами, былъ немедленно отправленъ въ Польшу, а московскіе бояре столь же немедленно прислали Сигизмунду и Владиславу грамату, въ которой, къ вѣчному позору своему, между прочимъ, писали: «и мы, ваши государскіе вѣрные подданные, слыша о кроворазлитье невинныхъ многихъ крестьянскихъ душъ простыхъ лю-

---

(27) Исторія Россіи и пр. С. Соловьева. т. VIII. с. 409.

дей и жонъ и младыхъ нескверныхъ младенецъ которые в Смоленску, в непокорстве Михаила Шеина с товарыщи и ссылкою лихихъ людей, которые во крестьянстве покою видети не хотѣли и не хотятъ, погибли и бѣдно с свѣта сего сошли, о нихъ крестьянскимъ обычаемъ и братскою любовью поскорбѣли, какъ о братье нашеи единокровнои, а о томъ, что вамъ великимъ государемъ надъ непослушники вашими подалъ Богъ побѣду и одолѣнье, *Богу хвалу воздаемъ*, и васъ великихъ государей на вашихъ преславныхъ и на прибылыхъ государствахъ *поздравляемъ»* (28). Таково было нравственное паденіе бояръ, сидѣвшихъ въ осадѣ съ поляками и Михаиломъ Ѳедоровичемъ! Но вожди осаждавшихъ, едва ли думавшіе тогда о Михаилѣ Ѳедоровичѣ, тоже не могли похвастать безукоризненностію подвига своего, помрачаемаго взаимнымъ недовѣріемъ и недружелюбіемъ ихъ, *рознью*, царившею между ними и не устраненною даже приговоромъ всего ополченія и многихъ городовъ, въ силу котораго полномочное управленіе землею и земствомъ ввѣрялось, съ 30 іюля 1611 г., нераздѣльно тремъ лицамъ: боярамъ и воеводамъ кн. Дм. Тим. Трубецкому и Ив. Мар. Заруцкому, да думному дворянину и воеводѣ Прок. Петр. Ляпунову.—Кичась ту-

(28) Соб. Гос. Грам. и Дог., т. II, с. 550.

шинскимъ боярствомъ своимъ передъ товарищемъ, простымъ думнымъ дворяниномъ, Трубецкой и Заруцкій уже тѣмъ самымъ раздражали гордое самолюбіе Ляпунова, который, въ качествѣ тріумвира, совершенно равноправнаго и Трубецкому и Заруцкому, зорко остерегался уступать какое нибудь преимущество тушинскому боярству обоихъ, и если менѣе наблюдалъ эту зоркость въ отношеніяхъ съ Трубецкимъ, человѣкомъ неспособнымъ, а потому неопаснымъ, наконецъ, все таки прирожденнымъ *княземъ*, то не упускалъ случаевъ показать себя передъ Заруцкимъ, потому что разумѣлъ Заруцкаго не больше, какъ темнымъ уроженцемъ Тарнополя, выскочкою безвѣстнымъ до эпохи тушинской, но выскочкою умнымъ, хитрымъ, коварнымъ и, слѣдовательно, небезопаснымъ. Заруцкій, дѣйствительно, былъ таковъ и находя, съ своей стороны, въ энергіи и талантахъ Ляпунова большую помѣху отдаленнымъ видамъ своимъ, не замедлилъ отдѣлаться отъ товарища - тріумвира, для чего постарался сочинить и скрѣпить подъ - руку Ляпунова окружную грамату, гласившую, между прочимъ: «гдѣ поймаютъ казака—бить и топить, а когда дастъ Богъ государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ» и представилъ сочиненіе свое казакамъ, которые зашумѣли, собрали кругъ, потребовали Ляпунова

къ отвѣту и тутъ же, въ кругу, изрубили знаменитаго воеводу, а съ нимъ и личнаго врага его, Ив. Ржевскаго, дерзнувшаго смѣло и благородно сказать озлобленнымъ казакамъ: «за посмѣхъ вы Прокофья убили: Прокофьевой вины нѣтъ» (29).

Неизвѣстно, какъ подѣйствовало именно на Михаила Ѳедоровича событіе смерти Ляпунова, которое, глубоко опечаливъ всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи, вынудило многихъ ополченцевъ разбрестись по домамъ и, можетъ быть, поубавило энергіи у оставшихся подъ Москвою, вслѣдствіе чего поляки, въ половинѣ августа 1611 г., снова овладѣли частію Бѣлаго-города. Совсѣмъ тѣмъ, картинное выраженіе Карамзина, будто бы «Ляпуновъ палъ на гробъ отечества» (30) едва ли справедливо, по крайней мѣрѣ, не оправдывается событіями, послѣдовавшими за смертью Ляпунова. Такъ, въ томъ же августѣ, когда русскіе потеряли часть Бѣлаго-города, нижегородскіе посыльные свіяженинъ Родіонъ Моисеевъ и ратманъ Пахомовъ, успѣвъ проникнуть въ тюрьму Гермогенову на Кириловскомъ подворьѣ и видѣться съ патріархомъ-узникомъ, принесли нижегородцамъ новую грамоту Гермогена съ прежнимъ увѣщаніемъ его, «чтобъ они стояли крѣпко о вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атаманемъ без-

(29) Исторія Россіи и пр., С. Соловьева, т. VIII, с. 425.

(30) Истор. Гос. Рос. Н. Карамзина Т. XII. с 193—194.

страшно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринки панина сына не благословляли.... отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ; проклятъ отъ святаго собору и отъ насъ» (31), а казанцы, словно угадывая тайную мысль Гермогена, грамотою же убѣждали пермичей: «казаковъ въ городъ не пущати, и стояти на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, кого намъ дастъ богъ на Московское государство государя. А выбрати бы намъ на Московское Государство государя всею землею россійскія державы; а будетъ козаки учнутъ выбирати на Московское Государство государя по своему изволенію одни, не сослався со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣти» (32). Стало быть, ни религіозный характеръ возстанія, возбужденнаго граматами Гермогена, ни дѣло перваго земскаго ополченія, запятнанное клятвопреступническимъ убійствомъ Ляпунова, не утрачивались вовсе, пока звучалъ знакомый всѣмъ голосъ патріарха, и должно было ожидать, что на тотъ же знакомый голосъ снова откликнется русская земля, *второе ополченіе* которой, наученное опытомъ *перваго*, и смоетъ грѣхъ

---

(31) Древнія государственныя граматы, наказныя памяти и челобитныя, собран. въ Пермской губерніи В. Берхомъ изд. 1821. с. 77.

(32) Собр. гос. грам. и дог. т. II, с. 569.

и довершить дѣло этого перваго ополченія. Справедливость такого ожиданія, дѣйствительно, начинала подтверждаться и граматами Троице-Сергіева монастыря, съ октября 1611 г., вполнѣ замѣнившими собою граматы патріарха, и движеніемъ, которое, съ того же октября, стало возникать въ Нижнемъ-Новгородѣ между тѣмъ какъ подмосковный станъ, то буйствуя, то сражаясь съ перемѣннымъ счастіемъ, все таки не впускалъ въ Москву только что прибывшій изъ Ливоніи 2-тысячный отрядъ литовскаго гетмана Хоткевича, принужденный, поэтому, всю осень ограничиваться одною фуражировкою для осажденныхъ, а съ наступленіемъ зимы отойти къ Ржеву.

Какое же движеніе возникало въ Нижнемъ-Новгородѣ? Тамъ, вслѣдъ за полученіемъ первой троицкой граматы, написанной архим. Діонисіемъ и исполненной духа граматъ Гермогеновыхъ, мѣстныя городскія власти собрались для обсужденія вопроса: что̀ предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ? Въ этомъ собраніи присутствовалъ вмѣстѣ съ другими и Козьма Мининъ, кличкою Сухорукій, ремесломъ говядарь, званіемъ земскій староста, горожанинъ зажиточный, бывалый и пользовавшійся общимъ уваженіемъ нижегородцевъ. Тронувшись, какъ и многіе, чтеніемъ троицкаго воззванія, Мининъ глубоко проникся цѣлями, дѣйствительно вы-

сокими, и тутъ же, въ собраніи, съ одушевленіемъ сказалъ присутствовавшимъ: «Св. Сергій явился мнѣ сегодня ночью, и повелѣлъ возбудить уснувшихъ. Прочтите грамоту архимандрита Діонисія въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу». На другой же день, по звуку праздничнаго колокола, хотя тогда были будни, нижегородцы стеклись въ спасскій соборъ, отстояли тутъ литургію, потомъ выслушали приличное случаю слово соборнаго протоіерея, а наконецъ и самую грамоту Діонисія, чтеніе которой прерывалось рыданіями и восклицаніями: «увы намъ! гибнетъ Москва! гибнетъ государство!» Пользуясь впечатлѣніемъ, которое чтеніе грамоты произвело на слушателей, Мининъ тутъ же сталъ говорить всенародно: «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, и бить челомъ, кто бы вступился за насъ и былъ у насъ военачальникомъ». Затѣмъ начались народныя сходки, на которыхъ продолжалъ раздаваться голосъ Минина, уже представившаго въ народную складчину и золотые да серебряные оклады съ собственныхъ иконъ, и мониста съ пронизями жены своей Татьяны, и сто рублей деньгами. Примѣру Минина слѣдовали почти всѣ, а кто не хотѣлъ жертвовать, у того брали силою. Дѣло стало только за военачальникомъ, но и военачаль-

ника скоро отыскалъ Мининъ же, весьма кстати сообразившій, что неподалеку отъ Нижняго, именно въ с. Пурехѣ, Балахнинскаго уѣзда, долечивается отъ ранъ стольникъ кн. Дм. Мих. Пожарскій, привезенный сюда изъ Троице-Сергіева монастыря, — Пожарскій, въ качествѣ сосѣдняго помѣщика, давно и съ самой выгодной стороны извѣстный всѣмъ нижегородцамъ, а теперь, послѣ подвиговъ своихъ въ Москвѣ, привлекавшій къ себѣ и вниманіе и участіе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Съ нимъ-то успѣлъ снестись смѣтливый Мининъ и, предварительно получивъ желаемое согласіе, указалъ землякамъ именно на кн. Пожарскаго, къ которому немедленно же отправились нижегородскіе депутаты: архимандритъ Ѳеодосій, дворянинъ Жданъ Болтинъ «да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди». Съ честію принявъ депутатовъ, Пожарскій сказалъ имъ: «радъ я вашему совѣту, готовъ хотя сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать», и на отзывъ депутатовъ, что такого человѣка въ Нижнемъ нѣтъ, князь прямо назвалъ Козьму Минина, къ чему добавилъ: «бывалъ онъ человѣкъ служивой, ему это дѣло за обычай» (33). Такимъ образомъ кн. Пожарскій и

(33) Исторія Россіи и проч. С. Соловьева. т. VIII, с. 413

говядарь Мининъ—наименованный *выборнымъ отъ всей земли человѣкомъ*—явились предводителями новаго ополченія, которое, повѣстивъ о себѣ городамъ окружными граматами, тогда же стало получать отвсюду ратниковъ, деньги, сукна, запасы, и, къ началу 1612, пріобрѣло характеръ *земскаго*, потому что, не считая нижегородцевъ, видѣло въ рядахъ своихъ и смольянъ, и дорогобужанъ, и вязьмичей, и коломенцевъ, и рязанцевъ, и даже служилыхъ людей изъ городовъ украинскихъ.

Этому земскому характеру втораго ополченія вовсе не были рады остатки перваго, уже не столько осаждавшіе тогда Москву, сколько разбойничавшіе подъ нею, о чемъ осажденные въ Москвѣ бояре, въ январѣ 1612 г., писали городамъ такъ: «нынѣ кн. Дмитрей Трубецкой да Іванъ Заруцкой с товарыщи стоятъ подъ Москвою на болшое крестьянское кровопролитье и Московскому государьству и городомъ всѣмъ на конечное разоренье, а не на покой крестьянской, и безпрестани ѣздя по городомъ отъ нихъ истаборъ ис-подъ Москвы, казаки грабятъ и розбиваютъ и невинную кровь крестьянскую проливаютъ, и насилуютъ православныхъ крестьянъ, боярынь и простыхъ жонъ емлютъ на

ид. «Нижній - Новгородъ и нижегородцы въ смутное время», П. Мельникова. См. Отечественныя Записки 1843. іюль отд. II, с. 23 и д.

блудъ, и нетлѣнныхъ девицъ растлѣваютъ насилствомъ мучителскимъ, и церкви Божіи разоряютъ, и святые иконы обдираютъ и обругаютъ, и многіе студные и скаредные дела на иконахъ Божіихъ сотворяютъ, чего умъ нашъ страшится написати» (34). Еще болѣе Трубецкаго и Заруцкаго съ товарищи не радовались второму ополченію осажденные въ Москвѣ поляки, число которыхъ значительно уменьшилось съ 6 янв. 1612 г., когда 7-тысячный отрядъ польскихъ войскъ, по заблаговременному условію съ королемъ, выступилъ изъ Москвы и отправился за жалованьемъ въ Польшу, причемъ—что, конечно, было извѣстно и Михаилу Ѳедоровичу—заставилъ бояръ выдать себѣ, въ счетъ жалованья, нѣкоторыя изъ сокровищъ царской казны, а именно: корону Бориса Годунова, корону—еще недодѣланную—Лжедмитрія, два или три куска драгоцѣнной единороговой кости, посохъ изъ той же кости, по концамъ оправленный золотомъ съ брилліантами, и гусарское сѣдло Лжедмитрія украшенное золотомъ, каменьями и жемчугомъ (35). Зналъ также Михаилъ Ѳедоровичъ, что остававшіеся въ Москвѣ поляки снова подсылали къ заточенному

---

(34) Собр. Гос. Грам. и Дог. т. II. с. 584.

(35) Записки Маскѣвича. См. Сказ. Соврем. о Дим. Самозв. т. V, с. 109.—Московская Оружейная Палата. Изд. 1860 г с. 280.

*

патріарху бояръ, съ требованіемъ запрета нижегородцамъ ополчаться; зналъ и то, что отвѣтомъ на это патріарха были снова благословеніе возстающимъ и проклятіе измѣнникамъ; слышалъ потомъ, что поляки, злобясь на такую великодушную твердость старца, почти не даютъ патріарху ѣсть, и узналъ наконецъ, что 12 февраля 1611 г. патріархъ Гермогенъ умеръ, дѣйствительно, съ голода, при чемъ, замѣтимъ, умолкалъ, едвали не единственный въ то время голосъ за избраніе Михаила Ѳедоровича — и умолкалъ, казалось, навсегда. Послѣднее казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что, не считая московскихъ бояръ, продолжавшихъ быть *вѣрными подданными* и Владислава и Сигизмунда, подмосковный станъ перваго земскаго ополченія, не далѣе, какъ 2 марта, присягнулъ новому самозванцу, какому-то Сидоркѣ, изъ Пскова, между тѣмъ какъ многіе города держали сторону сына Маринкина, а Новгородъ приглашалъ въ русскіе цари принца шведскаго, съ чѣмъ, по-видимому, соглашался и самъ кн. Пожарскій, который, стоя съ ополченіемъ въ Ярославлѣ, въ то же время переписывался оттуда съ императоромъ Матіасомъ, предлагавшимъ на русскій престолъ любаго изъ эрцгерцоговъ—племянниковъ своихъ. О Михаилѣ Ѳедоровичѣ не думалъ, стало быть, никто — по крайней мѣрѣ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1612 г., озна-

менованныхъ, съ одной стороны, хлопотами кн. Пожарскаго по предмету устройства ополченія, переписки съ городами и дипломатическихъ сношеній съ Новгородомъ и императоромъ, злодѣйствами, съ другой—Заруцкаго, который, послѣ неуспѣха убійцъ, подсыланныхъ имъ въ Ярославль къ кн. Пожарскому, не захотѣлъ дожидаться прибытія къ Москвѣ втораго земскаго ополченія, а потому, оставивъ подъ Москвою кн. Трубецкаго, бросился съ половиною осаднаго войска громить Коломну, откуда, уже вмѣстѣ съ Мариною и сыномъ ея, бѣжалъ въ Михайловъ.

21 авг. 1612 г. ополченіе Пожарскаго и Минина пришло, наконецъ, къ Москвѣ, и уклонившись отъ приглашенія кн. Трубецкаго стать въ одномъ съ нимъ таборѣ у Яузскихъ воротъ,—расположилось у воротъ Арбатскихъ. Отсюда Пожарскій и Мининъ ежедневно, съ 22 по 25 августа, выходили биться съ гетманомъ Хоткевичемъ, который всѣ эти дни усиливался пробраться въ Москву съ цѣлымъ обозомъ провіанта, но, вмѣсто того, былъ принужденъ отступить къ Можайску, да еще съ потерею значительной части своего обоза,—отступленіе и потеря, лишавшія осажденныхъ въ Москвѣ поляковъ послѣдней возможности добыть себѣ съѣстной запасъ. Впрочемъ, и осаждавшіе Москву русскіе нетотчасъ воспользовались счаст-

ливымъ отраженіемъ Хоткевича, вслѣдъ за уходомъ котораго между предводителями обоихъ ополченій, по-старому, не замедлила встать рознь, возбужденная, съ одной стороны, требованіемъ *боярина* кн. Трубецкаго, чтобы *стольникъ* кн. Пожарскій и *торговый человѣкъ* Мининъ ѣздили на совѣщаніе къ нему боярину, а съ другой—отказомъ Пожарскаго и Минина исполнить это требованіе, потому что въ таборѣ Трубецкаго снова появились тогда «многіе старые заводчики всякаго зла», изъ которыхъ Ив. Шереметевъ и кн. Григ. Шаховской уже научали казаковъ убить Пожарскаго, «что и Прокоѳья Ляпунова убили, добавляетъ въ окружной граматѣ своей самъ Пожарскій, а Прокоѳей убитъ отъ Иванова жъ заводу Шереметева» (36). Но такъ какъ рознь эта, сообщаясь отъ предводителей подчиненнымъ, могла грозить уходомъ изъ подъ Москвы всѣхъ казаковъ, уже начинавшихъ кричать, что они давно голодны и холодны, такъ пусть доступаютъ Москву одни *богатые дворяне*, т.-е. ополченіе Пожарскаго, то надо было чѣмъ нибудь удовлетворить недовольныхъ, — и троицкій архимандритъ Діонисій поспѣшилъ прислать *въ закладъ* казакамъ разныя дорогія облаченія и тогда

(36) Ученыя Записки Импер. Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. Т. II, вып. I, с. 95 96

уже богатой троицкой ризницы, чѣмъ до того смутилъ и растрогалъ буяновъ, что они тотчасъ же возвратили троицкому монастырю его сокровища, а Трубецкой не замедлилъ уладиться съ Пожарскимъ и Мининымъ на счетъ мѣста съѣздовъ и совокупнаго образа дѣйствій. Послѣдній ограничился пока устроеніемъ въ разныхъ мѣстахъ Бѣлаго-города укрѣпленій (туровъ), съ которыхъ производилась непрерывная пальба по Китай-городу и Кремлю, причемъ Пожарскій отправилъ къ «полковнику и всему рыцарству, Нѣмцамъ, Черкасамъ и Гайдукамъ, которые сидятъ въ кремлѣ», грамату съ предложеніемъ честной сдачи и такимъ, въ заключеніе, обѣщаніемъ: «которые изъ васъ захотятъ въ свою землю, тѣхъ отпустимъ безо всякой зацѣпки, а которые захотятъ московскому государству служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству (37)». Отвѣтомъ на эту грамату былъ однако гордый и грубый отказъ, хотя «осажденные, говоритъ полякъ-современникъ, питались только собаками, кошками, мышами, кожами, размоченными въ водѣ и раскрошенными на мелкія части, и пожирали другъ друга, даже откапывали недавно погребенные трупы (38)». 22 сентября, осаждавшіе, «прося у Бога

---

(37) Исторія Россіи и проч. С. Соловьева Т. VIII с. 455.

(38) Сказанія о походахъ короля Сигизмунда и королевича.

милости, городъ Китай взяли взятьемъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, и живыхъ многихъ поймали» (39). послѣ чего кремлевскіе поляки, въ заботѣ объ уменьшеніи числа желудковъ и ртовъ, заставили все еще сидѣвшихъ съ ними въ осадѣ русскихъ бояръ выслать изъ кремля всѣхъ боярынь, которыхъ Пожарскій принялъ честно и каждую проводилъ къ тому или другому изъ своихъ пріятелей, за что едва не убили его казаки, лишенные случая пограбить боярынь. Наконецъ, черезъ мѣсяцъ послѣ взятія Китай-города, сдались, 22 октября, и «кремлевскіе сидѣльцы», доведенные голодомъ до послѣдней крайности, и молившіе только о пощадѣ жизни, что и было имъ обѣщано. Прежде, чѣмъ выходить самимъ, поляки выпустили изъ Кремля бояръ—кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, кн. Ив. Мих. Воротынскаго, Ив. Ник. Романова съ племянникомъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и матерью послѣдняго, Мареою Ивановною, и многихъ другихъ русскихъ, волею или неволею дѣлившихъ съ поляками всѣ ужасы осаднаго сидѣнья въ Кремлѣ. Казаки и тутъ хотѣли броситься на выпущенныхъ

Владислава въ Россію, С Кобѣржицко-Коборжицкаго — См. Сынъ Отечества 1842. № 3, с. 14.

(39) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, соб. и изд. Археографическою коммисіею. Т. I. с. 292.

изъ Кремля бояръ, но были удержаны ополченіемъ кн. Пожарскаго, который, такимъ образомъ, уберегъ Михаила Өедоровича, быть можетъ, отъ опасности потерять юную и ни въ чемъ неповинную жизнь. 24 октября выбрались изъ кремля поляки, а 26 октября, послѣ предварительнаго молебствія на Лобномъ мѣстѣ, въ этотъ Кремль, цѣлые двадцать пять мѣсяцевъ недоступный ни одному честному русскому, соединенно съ крестнымъ ходомъ вошли ополченія Трубецкаго и Пожарскаго, тогда же отпраздновавшія побѣду свою торжественною литургіею и благодарственнымъ молебствіемъ въ Успенскомъ соборѣ, хранившемъ еще всѣ слѣды недавняго кощунства враговъ православія. Вскорѣ затѣмъ Михаилъ Өедоровичъ и Марөа Ивановна отбыли изъ Москвы въ костромскія деревни свои, о чемъ современный риторъ свидѣтельствуетъ такъ: «сей же Михайло Федоровичъ и съ матерью своею, по дѣйству Святаго Духа, свобожене отъ злаго томительства приемлетъ, и яко птищъ отъ тенета отрешаетца, и во своя вотчины, въ Костромской уѣздъ, скоро по свобожепіи возвращаетца (40).

Прежній порядокъ вещей на Москвѣ начиналъ уже возстанавливаться, и дѣла вершились общимъ приговоромъ князей Трубецкаго и Пожарскаго, когда Мос-

(40) Соб. Гос Грам. и Дог., т. I, с. 611.

ква снова встревожилась было извѣстіемъ, что король Сигизмундъ въ Вязьмѣ,—но успокоилась, свѣдавъ, что Сигизмундъ, послѣ трехъ неудачныхъ приступовъ къ Волоколамску, ни съ чѣмъ пошелъ назадъ, въ Польшу.

Тогда-то стали на досугѣ потолковывать въ Москвѣ, что «безъ государя Московское государство ничѣмъ не строится и воровскими заводы на многія части раздѣляется, и воровство многое множится» (41) и проч.; отсюда естественно пришли къ желанію поскорѣе имѣть государя, «кого всею землею оберутъ» (42) — и покончили тѣмъ, что окружною граматою приглашали всѣ города высылать въ Москву «лучшихъ и разумныхъ людей» для *великаго дѣла*, суть котораго тутъ же высказывалась предварніемъ, чтобы всѣ имѣющіе явиться изъ городовъ «лучшіе и разумные люди» были уполномочены отъ сограждапъ своихъ трактовать на Москвѣ «о государскомъ обиранье». Города приняли вызовъ Москвы съ удовольствіемъ, и одинъ за другимъ спѣшили отправлять въ Москву выборныхъ, по съѣздѣ достаточнаго—хотя и не полнаго — количества которыхъ, въ Москвѣ былъ объявленъ трехдневный постъ, а затѣмъ начались засѣданія земскаго собора. Въ этихъ засѣ-

(41) Тамъ же, т. III. с. 12.

(42) Дворцовые Разряды, изд. 1850, т. I, с. 20.

даніяхъ прежде всего разсуждалось о томъ: выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ или изъ своихъ «московскихъ родовъ»? и было приговорено: «литовскаго и свейскаго (шведскаго) короля и ихъ дѣтей, и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ некрестьянской вѣры греческаго закона на владимірское и на московское государство не обирати, и Маринки и сына ея на государство не хотѣти, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли къ себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушенье, какъ литовской король московское государство разорилъ, а свейской король Великій Новгородъ взялъ обманомъ» (43). Оставалось, слѣдовательно, взяться за своихъ, т. е. за «московскіе роды», и, такъ какъ имѣли въ виду дѣло не легкое, именно же: избрать «государя праведна, чтобъ данъ былъ отъ Бога, а не отъ человѣкъ», (44) то «много, говоритъ современникъ, избирающи искаху, не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи же инаго, и вси разно вѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити, и тако препроводиша не малые дни», при чемъ, по свидѣтельству того же современника, «мнозіи отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупа-

(43) Соб. Гос. Грам. и Дог., т. III, с. 12.

(44) Никон. Лѣтоп., ч. VIII, с. 200.

хуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары (45)». Дѣло въ томъ, что вельможи не хотѣли уступать престолъ вельможамъ; тайные доброжелатели поляковъ — а они были между вельможами — желали видѣть на этомъ престолѣ, по крайней мѣрѣ, не сверстника своего, а подростка или юношу, при которомъ не было бы никакого опытнаго руководителя; духовенство стояло на одномъ, чтобы избирали православнаго. Хронографъ кн. Оболенскаго говоритъ, что въ одинъ изъ «немалыхъ» дней, посвященныхъ избирательнымъ преніямъ, собору были разомъ предъявлены два письменныя мнѣнія: одно — неизвѣстнаго галичскаго дворянина, заключавшее въ себѣ совѣтъ избрать въ цари Михаила Ѳедоровича Романова, какъ ближайшаго по родству къ русскимъ царямъ изъ дома Рюрикова; другое—какого-то донскаго атамана, трактовавшее прямо: о природномъ царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ». — Соборъ предпарекъ царемъ Михаила Ѳедоровича Романова но, за неприбытіемъ въ Москву еще многихъ выборныхъ и за отсутствіемъ изъ Москвы всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ, товарищей полякамъ по осадному сидѣнью, подтвержденіе избранія Михаилова было отложено соборомъ на двѣ недѣли, съ 8 (46) до 21 февраля,

(45) Новый Лѣтописецъ, с. 160-161.

(46) Мальгинъ относитъ день избранія Михаилова не къ 8,

съ чѣмъ вмѣстѣ соборъ отправилъ нарочныхъ гонцовъ за отсутствовавшими боярами, и разослалъ надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ прислушиваться къ мнѣнію народа о предъизбранномъ царѣ. Къ дню 21 февраля пріѣхали въ Москву отсутствовавшіе бояре, явились недостающіе выборные, возвратились надежные люди — и въ этотъ день состоялось полное засѣданіе земскаго собора въ которомъ никто не отвергъ Михаила, вслѣдствіе чего рязанскій архіепископъ Θеодоритъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Вас. Петр. Морозовъ вышли на Лобное мѣсто, спросили москвичей: кого хотятъ въ цари? и получили единогласный отвѣтъ: Михаила Θедоровича Романова (47). 25 февраля Москва начала присягать Михаилу, и въ тотъ же день соборъ отправилъ въ города извѣстительныя граматы о вожделѣнномъ избраніи, въ которыхъ удостовѣрялъ, что избраніе это совершилось «не почьему заводу и крамолѣ: Богъ его государя на такой великой царской престолъ изобралъ, мимо всѣхъ людей, по своей неизреченной милости, и всѣмъ лю-

---

а къ 3 февраля. См. Зерцало русскихъ государей, с. 460.— Тоже говоритъ и Голиковъ. См. Дѣян. Петр. Вел., т. XII., с. 492.

(47) Исторія Россіи и пр., С. Соловьева. Т. VII., с. 460—. 461.

дямъ о его царскомъ обираньи Богъ въ сердца вложилъ едину мысль и утвержденіе (48)».

Итакъ Россія уже нашла себѣ царя, но еще не имѣла его, потому что и самъ избранникъ, проживавшій тогда, по однимъ извѣстіямъ, въ Домнинѣ, а по другимъ—и болѣе вѣроятнымъ—въ Костромѣ, ничего пока не вѣдалъ о послѣднихъ событіяхъ въ Москвѣ. Зная это, земскій соборъ, принявшій на себя—съ именемъ земскаго совѣта—временное управленіе, въ засѣданіи 2 марта опредѣлилъ вѣстниками отъ лица земскаго совѣта о совершившемся избраніи и челобитчиками отъ всего московскаго государства о принятіи престола отправить къ государю царю и вел. кн. Михаилу Ѳедоровичу всея Руссіи «въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ»—архіеп. рязанскаго Ѳеодорита; архимандритовъ: Чудова монастыря Авраамія, Новоспасскаго—Іосифа и Симонова—Павла; келаря Троице-Сергіева монастыря Авраамія Палицына; трехъ протоіереевъ: московскихъ соборовъ благовѣщенскаго и архангельскаго и церкви Николы зарайскаго; бояръ: Ѳед. Ив. Шереметева и кн. Вл. Бахтеярова-Ростовскаго, окольничаго Ѳед. Вас. Головина, дьяка Андр. Варѣева, приличное количество стольниковъ, стряпчихъ, приказныхъ лю-

(48) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III, с. 14.

дей и жильцовъ съ выборными изъ городовъ, словомъ, «всѣхъ чиновъ множество». Земскій совѣтъ тогда же вручилъ посламъ обстоятельный наказъ, объяснявшій посольскія обязанности каждаго изъ нихъ и предписывавшій, напримѣръ, боярину Шереметеву держать къ новоизбранному царю такую рѣчь: «Великій государь царь и вел. кн. Михайло Ѳедоровичь всея Россіи! Прислали къ тебѣ, великому государю, бити челомъ и милости просити твои государевы бояре, и окольничіе, и чашники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и приказные люди, и жильцы, и изъ городовъ дворяне, и дѣти боярскія, и головы стрѣлецкіе, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы, и пушкари, и всякіе служилые люди, гости, и черные и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго государства, чтобъ тебѣ государь великому Московскому государству ко всякимъ людямъ милость показать, для крестьянскаго покоя и тишины, на свой царскій престолъ пожаловать къ Москвѣ идти и своимъ царскимъ приходомъ всѣхъ людей обрадовать, а недруговъ своихъ и всѣхъ непріятелей Московскому государству учинить въ страхованьи и боязни, а какъ твой государевъ на свой царской престолъ въ царствующій градъ Москву подвигъ будетъ, и съ Москвы митрополитъ и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя

государя съ чудотворными иконами, животворящими кресты, по вашему царскому достоинству, и служить тебѣ государю и прямить и головы свои за тебя государя класти всѣ люди отъ мала и до велика ради». «А будетъ — продолжалъ тотъ же наказъ — государь царь и вел. кн. Михайло Ѳедоровичь всея Россіи архіепископа, и архимандритовъ, и бояръ, и окольничихъ и всякихъ людей не пожалуетъ, учнетъ отказывать, или зачѣмъ учнетъ государь размышлять; и (поименовываются послы) бити челомъ и умолять его государя всякими обычаи, чтобъ онъ государь милость показалъ, челобитья ихъ не призрилъ, былъ на владимірскомъ и московскомъ государствѣ государемъ царемъ и вел. княземъ всея Россіи, и пожаловалъ ѣхалъ къ Москвѣ вскорѣ; такое великое Божье дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ, по избранью, Богъ учинилъ его государя государемъ и въ сердца вложилъ всякимъ людямъ и до сущихъ и беззлобивыхъ младенцевъ, чтобъ быть на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго Царствія ему государю Михаилу Ѳеодоровичу». Наконецъ — за наставленіемъ, какъ успокоить государя на счетъ скорой выручки отца его изъ польскаго плѣна, — въ заключеніи наказа говорилось: «Да и всякими обычаи государю..... бити челомъ и его государя

умолять, чтобъ онъ шелъ на свой царской престолъ къ Москвѣ не мѣшкая (49)».

Послы выѣхали изъ Москвы въ тотъ же день, 2 марта, и пока разузнавали дорогою: *гдѣ государь?* передъ ними, по той же дорогѣ, какъ водится, бѣжала стоустая молва, которая, разглашая тамъ и сямъ избраніе Михаилово, могла радовать однихъ и, вмѣстѣ, озлоблять другихъ. Возможность послѣдняго естественная въ то *время шатости и измѣны*, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе Полеваго, что костромичи, боясь могущихъ быть покушеній на жизнь избранника, именно тогда предложили Михаилу и матери его — въ Костромѣ ли, въ Домнинѣ ли находились они — занять до прибытія московскихъ пословъ, помѣщеніе болѣе надежное и безопасное — въ крѣпкихъ стѣнахъ Ипатьевскаго монастыря (50) Но были ли дѣйствительно покушенія, которыхъ боялись костромичи, не видно ни изъ чего, не исключая и общеизвѣстнаго героическаго подвига домнинскаго крестьянина Ивана Сусанина.

Дознавъ, наконецъ, *гдѣ государь?* московскіе послы, 13 марта, передъ вечеромъ, прибыли въ подгородное костромское село Новоселки, нынче Новое

---

(49) Тамъ же, с. 18. 21—22.

(50) «Вступленіе на престолъ царя Михаила Ѳедоровича» Н. Полеваго. См. Библіотека для Чтенія. 1834 іюль, с. 46.

селище, на нагорномъ берегу Волги, противъ Ипатьева монастыря, остановились въ находившемся тутъ домѣ кн. Глинскаго, повѣстили костромское начальство о пріѣздѣ своемъ, а къ Михаилу и матери его послали спросить: когда дозволятъ явиться къ нимъ? и тутъ же были посѣщены множествомъ обрадованныхъ костромичей, которые толпами спѣшили поклониться иконамъ Владимірской Божіей Матери и московскихъ чудотворцевъ, отправленнымъ, по распоряженію земскаго совѣта, вмѣстѣ съ послами. Между тѣмъ изъ Ипатьевскаго монастыря принесли отвѣтъ, что Михаилъ и мать его готовы принять пословъ завтра же, вслѣдствіе чего послы провели всю ночь въ совѣщаніяхъ между собою и сношеніяхъ съ мѣстными властями о порядкѣ завтрашней церемоніи. На слѣдующій день, т. е. 14 марта, послѣ заутрени, чины посольства — духовные въ полномъ облаченіи, а свѣтскіе неся на рукахъ иконы — вышли, при колокольномъ звонѣ въ Костромѣ и ближайшихъ селахъ, изъ дома кн. Глинскаго, направились берегомъ Волги къ устью р. Костромы, слывущему *стрѣлкою*, тутъ были встрѣчены всѣмъ костромскимъ духовенствомъ съ иконою Ѳеодоровской Божіей Матери и отсюда, общимъ крестнымъ ходомъ, приблизились къ Ипатьевскому монастырю, внѣ воротъ котораго стояли Михаилъ и мать его, окруженные ипатьевскими иноками, также при ко-

локольномъ звонѣ вынесшими свои иконы. Повергшись передъ священными изображеніями, Михаилъ и мать его приняли благословеніе архіеп. Ѳеодорита, но когда послѣдній объявилъ за чѣмъ присланъ, Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ, что царемъ быть не хочетъ», а Марѳа Ивановна, съ своей стороны, заявила, что сына на царство не благословяетъ - и сынъ съ матерью долго не хотѣли идти за крестами въ монастырскую соборную церковь, о чемъ на силу могли упросить ихъ присутствующіе.—Въ церкви, послы подали сыну и матери грамоты отъ земскаго совѣта, и стали говорить рѣчи по наказу, но ни сынъ ни мать граматъ не приняли, а на рѣчи пословъ за сына отвѣчала мать, говоря, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ, что онъ еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, прежнимъ московскимъ государямъ давъ души свои (присягу), не прямо служили: измѣнили Годунову, убили Отрепьева; низложили и выдали полякамъ Шуйскаго; что въ виду всѣхъ этихъ клятвопреступленій, позоровъ, убійствъ и поруганій прежнимъ государямъ и прирожденному государю трудно усидѣть на престолѣ; что при настоящемъ истощеніи государственный казны, расхи-

щенія царскихъ сокровищъ и запустошеніи дворцовыхъ селъ—«государю нечѣмъ служилыхъ людей жаловать, обиходы свои полнить и противъ недруговъ стоять»; что отецъ Михаиловъ, безъ благословенія котораго Михаилу и быть нельзя на престолѣ, теперь въ плѣну у короля; что король, узнавъ объ избраніи сына, не оставитъ учинить какое нибудь зло надъ отцомъ и проч. и проч. Напрасно Ѳеодоритъ съ товарищи успокоивали Марѳу тѣмъ, что ей за сына бояться нечего, что все прежнее «дѣлалось волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; что во всѣхъ людяхъ московскаго государства была тогда рознь и междоусобіе, но что теперь московскаго государства люди *наказалися всѣ*, и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ и за крестьянскую вѣру хотятъ помереть, и головы свои за избраннаго государя класть, и кровь свою за него лить безъ всякаго сумнѣнья, до смерти»; Марѳа все таки не соглашалась дать сына въ цари. Тогда все духовенство начало молебенъ передъ иконами, бывшими въ крестномъ ходу, а синклитъ и выборные продолжали тщетно убѣждать Марѳу «моленья и челобитья не презрить и идти съ сыномъ на царской престолъ.» Когда же, послѣ молебна, духовенство снова воротилось къ Марѳѣ и снова получило отказъ, архіеп. Ѳеодоритъ велѣлъ поднять при-

несенныя иконы, и съ ними, осѣняемый хоругвями, пошелъ прямо къ Михаилу, которому сталъ грозить гнѣвомъ Божіимъ, такъ что юный Михаилъ, «въ слезномъ теченіи не могій что проглаголати, отойде на мѣсто къ матери своей»—и тутъ только, послѣ шести часоваго упрашиванія, Марѳа Ивановна согласилась сама, и—замѣтивъ въ слухъ: «Божіе бо есть дѣло, а не человѣческій разумъ»—согласила и сына, сказавшаго, наконецъ: «аще угодно сіе твоему человѣколюбію, Владыко, буди твоя святая воля». На Михаила немедленно возложили животворящій крестъ, дали ему въ руку царскій посохъ или жезлъ, посадили его на царскій стулъ, и начали многолѣтіе *Богоизбранному царю*, послѣ чего всѣ присутствующіе приносили Михаилу вѣрноподанническія поздравленія,-и онъ, уже въ царскомъ убранствѣ, при колокольномъ звонѣ и кликахъ народныхъ, слѣдовалъ изъ соборной церкви въ занимаемыя имъ монастырскія кельи, гдѣ въ тотъ же день допустилъ московскихъ пословъ къ рукѣ, и милостиво объявилъ имъ, что скоро будетъ въ Москву. Вѣсть эту, вмѣстѣ съ первымъ донесеніемъ пословъ, привезли въ Москву протопопъ Николо-Зарайскій и гонецъ Усовъ, 24 марта, вечеромъ, и на другой день, самъ по себѣ праздничный, вѣсть была объявлена, а донесеніе читано народу, который выра-

зилъ радость свою громкими восклицаніями и цѣлодневнымъ общимъ весельемъ (51).

19 марта Михаилъ выѣхалъ изъ Костромы (52) и 21-го прибылъ въ Ярославль, жители котораго всѣмъ городомъ встрѣтили новаго царя съ образами, хлѣбомъ-солью и подарками, «отъ радости жъ—добавляетъ лѣтописецъ—не можаху промолвити въ слезахъ» (53). Остановясь въ Ярославлѣ, Михаилъ 23 марта послалъ отсюда земскому совѣту первую грамату свою, которою, послѣ изложенія всего хода событій 14 марта и повторенія даннаго согласія царствовать, напоминалъ членамъ совѣта, что «сдѣлалось то волею Божіею и Московскаго государства всѣхъ васъ и всякихъ чиновъ людей хотѣньемъ, а нашего на то произволенья и хотѣнья не было», а потому въ заключеніи внушалъ: «и вамъ бы боярамъ нашимъ, и окольничимъ (слѣдуетъ перечисленіе чиновъ

---

(51) Собр. Гос. Грам. и Дог. т. III. № 10—Истор. Опис Костр. Ипат. Мон., с. 65—69.

(52) Въ память воцаренія Михаила, въ Костромѣ, въ томъ же 1613 г. положено перенести празднованіе иконѣ Θеодоровской Божіей Матери съ 16 августа на 14 марта, къ событію котораго приспособлена, съ 1777 г.. и самая служба иконѣ, а въ память отъѣзда Михаилова изъ Костромы въ Москву. въ костромскомъ архіерейскомъ домѣ устроенъ съ 1836 г. храмъ во имя св. муч Хрисанθа и Даріи, память которыхъ празднуется 19 марта.

(53) Лѣтописецъ о многихъ мятежахъ и проч. Изд., 1788 с. 275.

и званій)... всего Московскаго государства, на чемъ вы намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стояти въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служити и прямити, и воровъ никого царскимъ именемъ не называть и ворамъ не служить, грабежей бы у васъ и убійствъ на Москвѣ и въ городѣхъ и по дорогамъ не было, и быти бы вамъ межъ себя въ соединеньи и въ любви; на чемъ есте намъ души свои дали и крестъ цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу ради жаловать» (54). Земскій соборъ уже отвѣтилъ Михаилу, что всѣ люди со слезами благодарятъ Бога и молятся о царскомъ здоровьѣ, къ чему даже не упустилъ прибавить и совѣтъ: «тебѣ бы великому государю, насъ сирыхъ пожаловать быть въ царствующій градъ поскорѣе»,—какъ вдругъ въ царствующій градъ наѣхалъ изъ Ярославля кн. Троекуровъ, присланный отъ государя съ запросами: и есть ли во дворцѣ къ царскому пріѣзду запасы? и послано ли сбирать ихъ по городамъ? и откуда надѣются получить? и кому розданы дворцовыя села? и зачѣмъ докучаютъ царю разные челобитчики? и зачѣмъ не перестаютъ грабежи по дорогамъ? и съ чьего позволенія разъѣхались изъ Москвы дворяне? и проч., и проч. На все это земскій соборъ

---

(54) Собр. Грам. и Дог. т. III, с. 50

отвѣчалъ, какъ могъ, и 1 апрѣля снова писалъ къ посламъ своимъ при государѣ, требуя отъ нихъ извѣстія: когда же будетъ государь въ Москву, и гдѣ велитъ встрѣчать его? Недоумѣніе собора не разрѣшилось и новою царскою граматою изъ Ярославля же, отъ 8 апрѣля, все содержаніе которой заключалось въ замѣчаніяхъ на ничтожное количество запасовъ во дворцѣ и денегъ въ приказахъ, въ указаніяхъ, что не съ кого и не съ чего дѣлать поборы на царскій обиходъ и на жалованье служилымъ людямъ; наконецъ въ требованіяхъ, чтобы скорѣйше изыскались къ тому способы, на основаніи того, что «учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣньемъ; крестъ намъ цѣловали вы своею волею: такъ вамъ бы всѣмъ, помня свое крестное цѣлованье, намъ служить и о всякомъ дѣлѣ радѣть, и приговоръ свой учинить какъ тому всему быть.» «А котораго числа—говорилось въ той же граматѣ—изъ Ярославля пойдемъ, о томъ мы къ вамъ велимъ отписать» (55). 11 апрѣля, уже одни бояре, отъ лица и какъ бы въ оправданіе всего собора, писали государю, что послали они было въ города за кормами воеводъ и сборщиковъ, но городовые служилые люди не приняли, безъ царскаго указа, ни тѣхъ, ни другихъ, почему они, бояре, ни воеводъ,

(55) Дворцовые разряды, т. I, с 1064 1082,—1100.

ни сборщиковъ болѣе посылать не смѣютъ—и въ отвѣтъ на это получили извѣщеніе государя, отъ 18 апрѣля, что онъ 16 апрѣля выѣхалъ изъ Ярославля, 17 апрѣля прибылъ въ Ростовъ, и 19-го отправится далѣе, «а идемъ медленно затѣмъ, писалъ государь, что подводъ мало и служилые люди худы: стрѣльцы, казаки и дворовые люди многіе идутъ пѣшкомъ» (56). Но были и другія причины этой медленности: 23 апрѣля, едва успѣлъ царскій поѣздъ прибыть въ село Сватково, какъ явилась толпа ограбленныхъ и израненыхъ дворянъ, жаловавшихся, что такъ поступили съ ними казаки, стоящіе подъ Москвою, на Мытищахъ, и затѣмъ—разомъ посыпались отвсюду донесенія, что казаки, даже посылаемые куда либо съ Москвы, «ѣдучи дорогою, кормы емлютъ, а сверху кормовъ воруютъ, проѣзжихъ всякихъ людей на дорогахъ и крестьянъ по селамъ и деревнямъ бьютъ, и грабятъ, изъ животовъ на пыткахъ пытаютъ, и огнемъ жгутъ, и ломаютъ, и до смерти побиваютъ (57). Смущенный такими извѣстіями, юноша-царь невольно началъ осматриваться, и 25 апрѣля, сосчитавъ, на стану въ с. Любимовѣ, что между назначенными охранять особу его стольниками, стряпчими и жильцами *нѣтъ* на-лицо 42-хъ человѣкъ, тутъ же

(56) Тамъ же. Приложенія: №№ 24 и 34.

(57) Тамъ же, с. 1161.

отписалъ земскому совѣту, чтобы у этихъ 42-хъ *измѣнниковъ* немедленно были отобраны всѣ вотчины и помѣстья, а по прибытіи на другой день, 26 апрѣля, въ Троице-Сергіевскій монастырь прямо объявилъ окружавшимъ, что, «видя такое воровство, грабежи и убивства межъ православныхъ крестьянъ и кроворазлитіе на Москвѣ и по дорогамъ къ Москвѣ, на свой царскій престолъ, отъ Живоначальныя Троицы изъ Сергіева монастыря *идти не хочетъ*, только всего Московскаго государства всѣхъ чиновъ люди въ соединенье не придутъ, и кровь крестьянская литися не престанетъ, и отъ грабежей не престанутъ,» причемъ и царь, и мать его «съ великимъ гнѣвомъ и съ плачемъ,» обратили къ бывшимъ при нихъ московскимъ посламъ такой укоръ: «вы намъ били челомъ, и говорили, что московскаго государства люди всѣ пришли въ чювство. и отъ воровства отстали; и вы намъ били челомъ и говорили ложно» (58).

Помимо распутицы, «кроворазлитія» и грабежей, царскій пріѣздъ въ Москву замедлялся еще требованіями царя относительно убранства для него и особо для матери его палатъ и хоромъ въ кремлѣ,—требованіями, крайне затруднявшими исполнителей. Такъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ земскому совѣту ото-

(58) Тамъ же, с. 1164.

брать вотчины и помѣстья у 42-хъ нѣтчиковъ, Михаилъ Θедоровичъ послалъ боярамъ указъ непремѣнно приготовить къ царскому пріѣзду въ Москву: ему, государю, золотую палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а его государевой матери—деревянныя хоромы жены царя Шуйскаго, тогда какъ бояре, еще до этого указа усердствуя пріискать и убрать къ пріему царя всѣ дворцовыя помѣщенія, сколько нибудь уцѣлѣвшія въ московскую разруху, только что успѣли подновить и отдѣлать: ему, государю, палаты Золотую отъ Благовѣщенья къ Красному крыльцу, съ сѣнями, Переднюю и Грановитую, двѣ комнаты царя Грознаго, даже мыленку, а его государевой матери—хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ. Крайне озабоченные поэтому царскимъ указомъ, полученнымъ такъ неожиданно и почти уничтожавшимъ всѣ сдѣланныя приготовленія, бояре думали еще какъ быть съ нимъ, когда, 28 апрѣля, получили уже подтвержденіе этого указа, вслѣдствіе чего рѣшились послать государю отписку, въ которой, послѣ перечисленія палатъ и хоромъ, приготовленныхъ ему и матери его, они съ откровенностью представляли: «а тѣхъ, государь, полатъ, что указалъ подѣлать, и хоромы царя Васильевы царицы, намъ, холопемъ твоимъ, вскорѣ подѣлати не мочно и не чѣмъ: денегъ въ твоей государевѣ казнѣ нѣтъ

и плотниковъ мало, а полаты и хоромы всѣ безъ кровель, и мостовъ (половъ) въ нихъ, и лавокъ, и дверей, и окончинъ нѣтъ, дѣлать все на ново, и лѣса такова, каковъ на ту подѣлку пригодится, нынѣ вскорѣ не добыть» (59). Однако, не смотря на все это, Михаилъ Ѳедоровичъ все-таки продолжалъ желать себѣ и матери своей палатъ и хоромъ, обозначенныхъ въ первомъ его указѣ, и не далѣе, какъ 29 апрѣля, отвѣчалъ боярамъ: «одрулично бъ *тѣ* вамъ палаты и хоромы изготовить, чтобъ къ нашему пріѣзду были готовы», при чемъ о хоромахъ, убранныхъ въ Вознесенскомъ монастырѣ для инокини Мараы Ивановны отозвался, что «тѣ хоромы матери нашей жить не пригодятся (60).» Тогда бояре, растерявшіеся окончательно, обратились за помощью къ земскому совѣту, который—и самъ искренно желая скорѣе видѣть царя въ Москвѣ—тутъ же приговорилъ: суздальскому архіеп. Герасиму съ боярами кн. Ив. Мих. Воротынскимъ да Вас. Петр. Морозовымъ, окольничимъ кн. Дан. Мезецкимъ, дьякомъ Ивановымъ и выборными всѣхъ чиновъ людьми ѣхать немедленно на царскій станъ, въ с. Братовщину, бить челомъ государю, чтобъ онъ умилосердился

---

(59) Тамъ же, прилож. № 50.

(60) Тамъ же, прилож. № 56.

надъ православными христіанами, походомъ въ Москву не замѣшкалъ, — и Михаилъ Ѳедоровичъ умилосердился, объявивъ архіеп. Герасиму съ товарищи, что будетъ въ Москву 2 мая.

Когда узнала объ этомъ Москва, она крайне обрадовалась, и, въ назначенный день, поднялась вся во стрѣтеніе давно ожидаемому царю, который, вступивъ наконецъ въ первопрестольный городъ новаго царства своего, слушалъ молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, послѣ чего всякихъ чиновъ люди подходили къ царской рукѣ и здравствовали великому государю, «чтобъ онъ великій государь царь и вел. кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи, на своихъ великихъ государствахъ Россійскаго Царствія многолѣтенъ и счастливъ былъ въ неисчетныя лѣта, въ нескончаемые вѣки» (61). Вскорѣ за тѣмъ, а въ какое именно время—неизвѣстно, тѣ же всякихъ чиновъ люди «пріидоша, говоритъ лѣтописецъ, ко государю всею землею со слезами бити челомъ, чтобъ государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ (62).» Но досуга для царскаго вѣнчанья пока не представлялось, потому что «литовскіе люди» продолжали еще воевать мѣста бѣлевскія, мещовскія, калужскія, козельскія, болховскія, между тѣмъ какъ «нѣмецкіе люди», иначе шведы, стояли въ Тихвинѣ, причемъ самъ Великій Новгородъ не переставалъ полу-признавать

государемъ своимъ Карлуса Филиппа Карловича, брата короля шведскаго Густава Адольфа, а чисто-русскіе люди дѣйствовали съ Заруцкимъ на югѣ Россіи, въ Астрахани, и сюда то и дѣло тянулись съ сѣвера, изъ уѣздовъ бѣлозерскаго и пошехонскаго казачьи шайки, пробиравшіяся къ Заруцкому уѣздами угличскимъ, ярославскимъ и романовскимъ. Кромѣ того, въ Москву поджидали отца государева, митр. Филарета, надѣясь, что дворянинъ Аладьинъ, еще въ мартѣ мѣсяцѣ посланный къ королю и Панамъ Радѣ съ предложеніемъ размѣняться плѣнными, успѣетъ разжалобить и короля, и Пановъ Раду письмомъ Струся съ товарищи, сидѣвшихъ въ крѣпкомъ заточеніи въ кремлѣ, и въ обмѣнъ на пана Микулая Струся получитъ митр. Филарета Никитича. Главною же помѣхою царскаго вѣнчанія было совершенное запустѣніе царской казны, до того расхищенной въ московскую разруху, что новый царь, дѣйствительно, лишенный средствъ одѣвать и кормить даже ратныхъ людей, долженъ былъ искать пособія у богатѣйшихъ изъ подданныхъ своихъ—и сдѣлалъ это, написавъ, 24 мая, къ Строгоновымъ: «у васъ указали есмя просити въ займы, для крестьянского покою и тишины, де-

(61) Тамъ же с. 90.

(62) «Обзоръ царствованія Михаила Ѳедоровича Романова», С. Соловьева. См. Современникъ 1852, № 1 отд. II с. 6.

негъ и хлѣба, и рыбы, и соли, и суконъ, и всякихъ товаровъ, что дати ратнымъ людемъ, которые стоятъ за образъ пречистыя Богородицы, и за православную крестьянскую вѣру, и за насъ, и за васъ за всѣхъ православныхъ крестьянъ; а сколько чего въ займы дадите, денегъ и хлѣбомъ, и товаромъ и то указали есмя записывати въ книги, а вамъ давати съ книгъ выписи, за архимахритовыми и за игуменскими и за сборщиковыми руками, почему вамъ тотъ заемъ изъ нашей казны взяти, хотя нынѣ и промысловъ убавите, а ратнымъ людемъ на жалованье дадите, сколько мочно дати, а какъ въ нашей казнѣ деньги въ сборѣ будутъ, и мы вамъ тѣ деньги велимъ заплатити тотчасъ (63).»

Наконецъ, когда надежды на размѣнъ отца государева оказались тщетными, а заемъ у Строгоновыхъ уже состоялся, приступили къ отлагавшемуся до сихъ поръ царскому вѣнчанію, которому государь опредѣлилъ быть 11 іюля.—Утромъ этого дня, передъ выходомъ въ соборъ, государь пришелъ въ золотую палату, и сѣвъ на престолѣ, пожаловалъ родственника своего кн. Бор. Каспул. Черкасскаго и вождя-освободителя кн. Дм. Мих. Пожарскаго обоихъ боярствомъ. для *сказки* (объявленія) котораго

(63) Акты собр. въ архивахъ и библіотекахъ Рос. Имперіи Археографическою экспедицею Акад. Наукъ т. III., с. 2—3.

назначилъ: кн. Черкасскому—боярина Морозова, а кн. Пожарскому—думнаго дворянина Пушкина. Но Морозовъ и Пушкинъ—вѣроятно, попривыкнувъ къ мысли, что уже есть у нихъ надежа-государь и можно теперь приняться за прежніе *родовые счеты*, любезные сердцу мѣстниковъ—стали бить челомъ *въ отечествѣ:* Морозовъ—на кн. Черкасскаго, а Пушкинъ—на кн. Пожарскаго, вслѣдствіе чего Михаилъ Ѳедоровичъ, конечно, недовольный чуждымъ ему мѣстничаньемъ бояръ, объявилъ, что, для царскаго вѣнчанія своего, повелѣваетъ всѣмъ *быть безъ мѣстъ.* Однако вслѣдъ за тѣмъ, когда посольскій дьякъ Третьяковъ—въ той же золотой палатѣ и въ присутствіи же государя—сталъ объявлять во всеуслышаніе, что бояринъ кн. Мстиславскій будетъ осыпать царя золотыми, бояринъ Ив. Никит. Романовъ держать мономахову шапку, а бояринъ кн. Трубецкій—скипетръ, то кн. Трубецкій не удержался ударить челомъ государю, что ему, князю, «Ивана менши быть *не вмѣстно*»—и государь, опять скрывая неудовольствіе свое, долженъ былъ согласиться со всею мѣстническою правдою ретиваго мѣстника, которому сказалъ съ наружнымъ спокойствіемъ: «вѣдомо твое отечество передъ Иваномъ, мочно ему тебя менши быти, а нынѣ тебѣ быть (меньше), *для того, что мнѣ Иванъ Никитичъ по родству дядя;* быть вамъ безъ мѣстъ».

Между тѣмъ бояре Морозовъ, Трахоніатовъ и кн. Пожарскій, посланные на казенный дворъ за *царскимъ саномъ*, возвратились съ нимъ въ золотую палату, откуда государь тотчасъ же отправилъ его въ соборъ, велѣвъ нести: шапку и бармы Мономаховы, сложенные на блюдѣ,—духовнику своему, благовѣщенскому протопопу; скипетръ—кн. Трубецкому; державу—кн. Пожарскому; стоянецъ—дьяку Шапилову. Впереди этого шествія назначалось идти боярину Морозову, который мялся и тутъ, даже ударилъ челомъ въ отечествѣ на кн. Трубецкаго, однако по указу царскому, пошелъ. По возвращеніи того же Морозова съ царскимъ духовникомъ и докладомъ, что «уготовано все», изъ золотой палаты двинулось въ соборъ второе шествіе въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ духовникъ, окропляя путь святою водою; за нимъ слѣдовалъ бояринъ Морозовъ; потомъ всѣ окольничіе; далѣе десять стольниковъ, за которыми шелъ самъ государь съ двумя окольничими по сторонамъ, *для обереганья*, а за государемъ слѣдовали бояре, вельможи, княжата, дворяне, боярскія дѣти и всякихъ чиновъ люди. Черезъ площадь между дворцомъ и соборомъ шествіе подвигалось среди глубокой тишины, хотя «было тогда, говоритъ современный документъ, всенародное многое множество православныхъ крестьянъ, имъ же нѣсть числа, и вси предстояли со страхомъ и великимъ

вниманіемъ по своимъ мѣстамъ, и никто же тогда дерзну преходити царскаго пути,—за чѣмъ, впрочемъ, зорко наблюдали и стрѣлецкіе головы съ сотниками, разставленные на всемъ протяженіи этого пути (64). По вступленіи царя въ соборъ и возглашеніи ему многолѣтія, отправились сначала окольничіе и стольники, а потомъ два архимандрита, два протопопа и два діакона—обходить церковь, внушая присутствующимъ въ ней «народамъ», чтобъ стояли со всякимъ молчаніемъ и кротостію и цѣломудріемъ и вниманіемъ... молили бъ Господа Бога и пречистую Богородицу и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ за государя царя и вел. князя Михаила Өедоровича всея Русіи». Затѣмъ начался и совершился обычнымъ порядкомъ самый обрядъ царскаго вѣнчанія, отправленный первенствовавшимъ тогда духовнымъ лицомъ, казанскимъ митроп. Ефремомъ, который, при этомъ случаѣ, произнесъ рѣчь къ царю, богатую мѣстами въ родѣ слѣдующаго: «Вамъ же подобаетъ, православнымъ царемъ... не токмо о своемъ пещися и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати, и соблюдати стадо его отъ волковъ невредимо, и боятися серпа небеснаго, и не давати воли злотворящимъ человѣкомъ» (65). По окончаніи вѣнчанія и

(64) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III, с. 72—73.
(65) Тамъ же, с. 82.

здравствованія, государь переходилъ изъ собора въ соборъ, причемъ на выходахъ кн. Мстиславскій осыпалъ его золотыми. «Того же дни, говоритъ современное официальное извѣстіе, ѣли у государя: казанскій митроп. Ефремъ, ростовскій митроп. Кириллъ со властьми, а сидѣли въ кривомъ столѣ, а столъ былъ по грановитой палатѣ. У стола были бояре и околничіе и думные люди, а сидѣли въ большомъ столѣ *всѣ безъ мѣстъ*» (66). На другой день, 12 іюля, въ годовщину рожденія своего, царь пожаловалъ нижегородскаго говядаря Козму Минина въ думные дворяне—и цѣлые три дня не переставали пиры, лилась милостыня, гудѣлъ колокольный звонъ, къ чему современное же и не менѣе перваго официальное извѣстіе добавляетъ: «пиру жъ зѣло честну и велику сотворяему, царь и митрополиты и епископы и мнозіи благородніи весели быша, и мнози честніи дарове отъ царя изнесошася; нищіе же, повелѣніемъ царскимъ и святительскимъ довольно учрежени быша (67)».

Такъ освятилось въ глазахъ народа избраніе Михаилово— событіе, до того сильно подѣйствовавшее на воображеніе самовидцевъ и вообще современниковъ, что тѣ и другіе чувствовали потребность дѣлиться тогдашними впечатлѣніями своими съ отда-

(66) Двор. Разр. т., I., с. 99.

(67) Собор. Гос. Грам. и Дог., т. I, с. 87.

*

леннѣйшимъ потомствомъ, въ памятованіе которому тщились болѣе или менѣе подробно записывать всѣ обстоятельства этого событія. Однимъ и главнѣйшимъ изъ такихъ напамятованій служитъ *Грамота, утвержденная о избраніи на россійскій престолъ царемъ и самодержцемъ Михаила Ѳедоровича Романова* (68)—повѣствованіе весьма пространное, которое, бывъ обязано составленіемъ своимъ предложенію духовенства, одобренному земскимъ совѣтомъ въ засѣданіи 14 апрѣля, сочинялось—неизвѣстно кѣмъ, вѣроятнѣе многими—цѣлый мѣсяцъ и сочинилось со всею роскошью тогдашней риторики, а также, по справедливому выраженію Полеваго, «съ замѣчательною уклончивостію въ изложеніи многаго» (69). Подлинникъ этой граматы, хранящійся въ государственномъ архивѣ и уже весьма ветхій, такъ что изъ *девяти* бывшихъ на немъ печатей едва ли уцѣлѣло *три*, представляетъ огромный, изъ девяти александрійскихъ листовъ склеенный столбецъ, начало котораго и также имя Михаила—всюду, гдѣ оно находится—писаны золотомъ, конецъ же испещренъ 273 подписями, а именно 3 митрополитовъ, 3 архіепископовъ, 2 епископовъ, 18 архимандритовъ, 17 игуменовъ, 1 строителя, 3 келарей, 5 протопоповъ, 5 поповъ, 16 бояръ, 4 околь-

(68) Тамъ же, т. 1, № 203.

(69) Библ. для чтен. 1834. іюль. с. 62

ничихъ, 1 крайчаго, 1 думнаго дьяка, 32 стольниковъ, 18 стряпчихъ, 1 жильца, 102 дворянъ, 36 выборныхъ разночинцевъ и 5 татаръ (послѣдніе не по-русски). Впрочемъ, не однихъ современниковъ Михаила занимали обстоятельства его избранія: уже 60 лѣтъ спустя, въ самые послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, обстоятельства эти все еще записывались и переписывались съ любовію и тщаніемъ, о чемъ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ дѣла *о покупкѣ для письма граматъ и книгъ разныхъ писчихъ и друг. матеріаловъ*, веденнаго посольскимъ приказомъ въ 1672—1675г.: «180 (1672) іюля съ 6 числа изъ посолскаго приказу дана писать «Книга о избраніи великаго государя царя и вел князя Михаила Өедоровича, всея Росіи»; а писана книга на Александрійской бумагѣ болшой руки. въ цѣлой листъ, мелкимъ писмомъ, августа до 17 числа, и всей книги написано 9 тетратей; и на всякой день писано по 2 листа, окромѣ воскресныхъ дней и великихъ праздниковъ Господнихъ; и въ томъ числѣ 31 листъ порозжей»; «181 (1672), ноября въ 6 день, по указу.... Алексѣя Михайловича.... велѣно строить «Книгу о избраніи блаженной памяти вел. гос. царя и вел. кн. Михаила Өедоровича всея Русіи»; а по сказкѣ иконописцовъ, Ив. Максимова да Серг. Васильева, надобно къ строенью той книги: золота красного 1000 листовъ,

серебра 500 лис., бакану Виницѣйскаго четь фунта, яри Виницѣйской фунтъ, киноварю ф., сурику ф., шпигелю ф., шафрану четь ф., вохры ф., бѣлилъ ф., шмелти полъ ф., чернилъ 2 кувшина, камеди полъ ф., черлени ф., яицъ 500, кистей 60»; «181 (1672), Ноября въ 15 день, по указу... приказалъ околничей Арт. Серг. Матвѣевъ дать: сусалнику Сем. Иванову за дѣло листовова золота отъ 10 червонныхъ рудъ 6 алтынъ 4 денги, а то золото дѣлано на строеніе «Книги о избраніи вел. гос. царя и вел. кн. Михаила Θеодоровича всея Русіи»; да на тожъ золото и на краски купить ящикъ съ замкомъ дубовой или липовой»; «181 (1673) апрѣля въ 18 день, пожаловалъ.... Алексѣй Михайловичъ.... велѣлъ дать своего государева жалованья: капитану (Ягану Элингузу) за переплетъ отъ дву книгъ, что онъ переплеталъ, «О избраніи блаженныя памяти вел. гос. царя и вел. кн. Михаила Θеодоровича, всея Русіи» да «О сивилахъ», по обрѣзу въ золотѣ, и за золото и за прикладъ пять рублевъ».

Скажемъ въ заключеніе, что событіе избранія и воцаренія Михаила Θедоровича Романова, связанной съ дорогими русскому сердцу именами Пожарскаго и Минина, останется навсегда однимъ изъ знаменательнѣйшихъ событій русской исторіи.

М. Д. Хмыровъ.

